

ИСТОРИЯ

Д.С. Кидирниязов

**КРАХ ЗАВОЕВАТЕЛЬНЫХ ПЛАНОВ НАДИР-ШАХА В ДАГЕСТАНЕ:  
ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ КОРРЕКТИРОВКИ КАВКАЗСКОЙ ПОЛИТИКИ  
РОССИИ И СУЛТАНСКОЙ ТУРЦИИ**

С начала 40-х г. XVIII в. в истории народов Дагестана открылась новая героическая страница, связанная с борьбой против персидского владычества. В ходе успешного завоевания Индии и других стран Востока планы Надир-шаха обретали новые черты. Все большее место в стратегических замыслах персидского правителя к исходу Индийского похода стал занимать дагестанский вопрос (*Козлова А.Н.*, 1976. С. 72–73).

Этот третий по счету поход, получивший название Дагестанского, готовился заранее на обратном пути из Индии, сочетая тщательно продуманные военные, дипломатические и иные меры: создание отборных контингентов войск на награбленные в Индии, Афганистане и Центральной Азии колоссальные средства, концентрацию всех находящихся в Южном Кавказе и Дагестане персидских сил под начальством сына шаха Ризы Мирзы, сохранение стабильных отношений с султанской Турцией, выявление реакции со стороны России на столь беспрецедентную военно-политическую акцию, изоляцию Дагестана от его соседей – России с севера и Южного Кавказа с юга, подавление джарских обществ для создания стратегического плацдарма с целью наступления на Дагестан до прибытия самого Надир-шаха, чтобы усмирить непокорных дагестанцев и утвердить свою власть на Кавказе.

После проведения соответствующей подготовки в марте 1741 г. шахские войска под командованием опытных военачальников начали наступление на джарцев, которые оказали им упорное сопротивление. Джарцы сражались, не сдаваясь в плен, погибая в неравном бою, поражая врага своим героизмом. Разгромив джарцев, военачальники Надир-шаха опустошили Шекинскую область и часть Ширвана, решили «голодом заморить население непокорного Дагестана». В карательных акциях против джарцев особенно отличились отряды племянника Надир-шаха Абдали Гани-хана (*Умаханов М.-С.К.*, 2007. С. 145).

Предпринятые после погрома джарцев попытки шахских командующих склонить на свою сторону путем подкупа и угроз владетелей Дагестана и старшин не принесли успеха. Перед надвигающейся опасностью нападения персидских сил на Дагестан росла тяга к единству между народами Дагестана. Для укрепления этого единства в борьбе против завоевателей много сделали Сурхай-хан Казикумухский, Ахмед-хан Мехтулинский, дагестанские старшины Малаччи и Галега, джарские старшины Ибрагим Диванэ, Магомед-Халил, Хаджи Ага Муртуз и начавший отходить от шаха Ахмед-хан Кайтагский и др.

Однако положение осложнялось тем, что создавшейся ситуацией пыталась воспользоваться Порта, тайно поощряя горцев на борьбу и обнадеживая их своей помощью, но оставаясь в стороне, когда наступал решающий час. Наблюдавший за взаимоотношениями шахского Ирана и Османской империей, находившийся в свите шаха резидент И.П. Калушкин доносил в Петербург в конце марта, что «из поступков из сих двух магометанских дворов смотреть можно – оныя на разрыв мира между собой горячего хотения не оказывают» (АВПРИ. Оп. 89/1. 1741 г. Д. 10. Л. 203 об).

Воспользовавшись тем, что дагестанские народы оказались без поддержки извне, предоставленными собственной судьбе, не сумев добиться их покорности мирными средствами, весной 1741 г. Надир-шах организовал Дагестанский поход, чтобы истребить горцев или изгнать их из гор (АВПРИ. Оп. 89/1. 1741 г. Д. 10. Л. 204). Надир-шах стремился не только отомстить дагестанцам за гибель своего брата Ибрагим-хана, как объявил публично, но и главным образом захватить Дагестан, чтобы показать России свою ударную силу (*Сотавов Н.А.*, 1991. С. 99).

В качестве ближайшей цели ставилась задача отрезать Дагестан от России и Южного Кавказа, соорудить крепости на берегах Бугама, Манаса и Сулака, выставить 10-тыс. заслон на Тереке для предотвращения попыток горцев общаться с Россией (АВПРИ. Оп. 89/1 1741 г. Д. 12. Л. 600).

Над Дагестаном нависла тяжелая угроза. Через Барду, Кабалу и Шахдаг, беспощадно истребляя жителей встречавшихся населенных пунктов, авангардные персидские части к исходу мая подошли к Дербенту (Сотавов Н.А., 2000. С. 140). Перед угрозой физического уничтожения народы Дагестана проявили беспримерный героизм, небывалое единство и твердость духа (ЦГА РД. Ф. 379. Оп.1. 1741 г. Д. 65. Л. 10–11).

Опасаясь этого единства и готовности к отпору, персидские военачальники начали отдельные операции из-под Дербента. В начале июня 10-тыс. корпус Наджаф Султана выступил против горцев, чтобы пресечь усиливающиеся контакты между Сурхай-ханом Казикумухским и уцмием Ахмед-ханом (Сотавов Н.А., 1991. С. 101).

Многочисленная армия шаха должна была действовать двумя группировками по следующим маршрутам: первая под командованием Гайдар-бека наступать от Дербента на Табасаран, Кайтаг, даргинские общества и при поддержке Хасбулата через Аймакинское ущелье вторгнуться в Аварию; вторая, основная, во главе с шахом вторгнуться из Ширвана через Самур в Кюре, далее через Агул прорваться в Лакию, а оттуда в аварские земли. На территории Аварского ханства обе группировки должны были объединиться и завершить захват Дагестана (Магомедов Р.М., 1985. С. 73).

Выполняя этот замысел в ходе ожесточенных кровопролитных боев, в конце июля – в течение августа 1741 г. персидские войска вытеснили из Дженгутая Ахмед-хана Мехтулинского, захватили Акушу и Казикумух, осадили Кубачи, вынудив к временной покорности Сурхай-хана, акушинского кадия Гаджи-Дауда и кайтагского уцмья Ахмед-хана (История Дагестана. 2004. Т. 1. С. 443). Возомнив себя повелителем Дагестана, Наджаф Султан после этих побед потребовал в течение 10 дней доставить в его лагерь по 1 тыс. полностью экипированных всадников к нему на службу, по 1 тыс. быков и по 3 тыс. баранов на кормление его войска и по 1 тыс. дворов для переселения в Персию «на вечное житье» (АВПРИ. Оп.77/1. 1741 г. Д. 4. Л. 308 с об., 314). На подданных кайтагского уцмья была наложена подать «на 125 мешков, а на подданных шамхала по 1 чувалу пшеницы, по 3 барана, по 8 фунтов масла, по 5 фунтов железа с каждого двора, да 1 быку с 5 дворов» (АВПРИ. Оп. 77/1. 1741 г. Д. 4. Л. 163, 257).

Подобными же рекрутскими, натуральными и сверх того денежными поборами облагалось население Южного Дагестана (АВПРИ. Оп. 77/1. 1741 г. Д. 4. Л. 178–179).

Жестокость завоевателей не знала предела. Воины Надир-шаха врываются в дома беззащитных людей, отбирали последние пожитки. Все это подняло на борьбу с персами различные слои населения. Со всех концов Дагестана поступали сведения о неповиновении шахской воле, отказе выполнять его приказы.

В этой обстановке персидский шах старался склонить жителей Нагорного Дагестана, особенно Аварии, к нейтралитету, а в случае удачи – и к союзу против России, но не добился успеха. Несмотря на эти неудачи, шах продолжал отправлять специальные отряды из Казикумуха в ближайшие лакские и аварские села, которым предлагалось набрать войска для военных действий против России, но посланники шаха, по свидетельству источников, встречали решительный отпор (АВПРИ. Оп. 77/1. 1741 г. Д. 4. Л. 257, 267 об., 304 об., 332, 414). Подобные примеры имели не единичный, а массовый характер. Неповиновение персидским властям грозило перерасти в открытое восстание (История Дагестана. 2004. Т. 1. С. 444).

Создавшаяся ситуация сильно обеспокоила иранского шаха, и он решил организовать поход в Аварию. Поход начался 12 сентября 1741 г. значительными потерями персов в первых же сражениях, но сдержать громадной лавины вражеских войск горцы не смогли. Одолевая их упорное сопротивление, во главе 50-тыс. войска Надир-шах двинулся в Андалал, расположил свою ставку на горе Турчи-даг, а наиболее закаленные, испытанные воины заняли позиции напротив сел Чох, Обох, Согратль, Мегеб, Шитлиб, Бухты

Андалалского общества, а также населенных пунктов Камахал, Талисма, Ури, Улучара, Мукар, Варанай Казикумухского ханства (*Гаджиев В.Г.*, 1996. С. 156–164).

Шла усиленная подготовка к решительной борьбе с захватчиками и всех народов Дагестана, которые посылали свои отряды на помощь горцам в Андалал. Местом главного сражения с врагом, отвечающим стратегическим замыслом дагестанцев лишить персидского шаха возможности маневрировать крупными силами, была определена плоскость «Хициб» (*Абакаров М.*, 1991. С. 29–33).

Военные действия начались 22 сентября нападением вражеских войск на села Чох, Мегеб, Обох и Согратль, где они встретили решительный отпор. Решающее сражение на территории Андалала продолжалось 5 дней. Особое значение для победы над врагом имели сражения у сел Чох и Согратль, где противник потерпел тяжелое поражение (*История Дагестана*, 2004. Т. 1. С. 444).

Исход этих сражений фактически означал провал Дагестанской кампании персидского шаха Надира. По мнению И.П. Калушкина, поражение под Чохом вынудило иранского шаха к скорейшему отступлению во избежание полной катастрофы (АВПРИ. Оп. 77/1. 1741 г. Д. 7. Л. 390–393).

Спасая оставшиеся войска от полного уничтожения, 28 сентября 1741 г. Надир-шах начал отступление из Аварии, похожее больше на бегство, чем на организованный поход. В начале октября с оставшимися силами персидский шах вернулся в Дербент. По свидетельству российского резидента в Иране И.П. Калушкина, даже по пониженным подсчетам, потери шаха доходили до 40 тыс. человек (АВПРИ. Оп. 77/1. 1741 г. Д. 7. Л. 390–393).

Торжество объединенных сил народов Дагестана над численно превосходящими войсками персов имело не только местное, но и международное значение.

Не случайно весть о поражении Надир-шаха в Дагестане отозвалась эхом в России и Порте, заинтересованно следившими за ходом событий, надеясь использовать их результаты в собственных интересах. По словам французского посла в Петербурге де ля Шетарди, весть о поражении Надир-шаха в Аварии настолько воздействовала на российских министров, что «даже политические соображения не в состоянии были заставить удержаться от радости, выражавшейся здесь» (Сб. РИО. 1896. Т. 96. С. 579). Поражение Надир-шаха в Андалале встретили в Стамбуле «с огромной радостью», «с восторгом», как важный фактор, отодвинувший угрозу нападения шахского Ирана на Османскую империю (*Сотавов Н.А.*, 2000. С. 163–164).

Не оставались в стороне от этих событий Англия и Франция, придававшие важное значение Прикаспийско-Кавказскому региону в своей восточной политике. Свидетельство тому – поощрение Лондоном и Парижем Надир-шаха на продолжение войны в Дагестане и захват российских земель до Астрахани, оказывая ему активную военнополитическую поддержку через агента английской Ост-Индской компании капитана Джона Эльтона, принятого персидским шахом на службу в звании адмирала иранского флота с годовым содержанием в 6 тыс. рублей и гарантией построить ему 30 военных кораблей (Сб. РИО. 1896. Т. 96. С. 365–366).

Тяжелые потери, понесенными сефевидскими войсками в летне-осенний период 1741 г., убедили Надир-шаха в том, что повторение попыток захвата Дагестана фронтальным наступлением в ходе одной операции чревато новой катастрофой. Осознание этого фактора вынудило персидского шаха внести изменения в свою кавказскую политику. Суть их свелась к тому, чтобы сочетать прежние методы угроз, шантажа и отторжения местного населения от России с новой тактикой, направленной на порабощение дагестанских народов путем измора, ведения затяжной войны, усиленного «ласкания» местной элиты, создания достаточно оснащенной войсками и провиантом мощной центральной опорной базы для наступления в наиболее выгодных направлениях (*Гаджиев В.Г.*, 1965. С. 134).

Первым шагом на этом пути стало возведение недалеко от Дербента в кадиевском владении Табасарана укрепленного лагеря, получившего позже название «Иран хараб» («гибель, разорение Ирана») (*Бутков П.Г.*, 1869. Ч. 1. С. 123). Захватчики и здесь не на-

ходили покоя, постоянно подвергались нападениям горцев, как, например, в октябре 1741 г., когда они разгромили 8-ми тыс. войско Рустам-бека.

В таких условиях, пытаясь ослабить освободительную борьбу народов Дагестана против своего владычества, иранский шах намеревался столкнуть их с Россией путем склонения на свою сторону местных владетелей и старшин. Такая попытка была предпринята в отношении владетелей Засулакской Кумыкии и старшин Унцукуля, Кубачи, Анцуха и Кала-Корейша, призывая первых отречься от подданства России и перейти под его покровительство, обещая выплачивать им такое же жалованье, как и шамхалу Хасбулату (АВПРИ. Оп. 77/1. 1741 г. Д. Л. 390 об., 391, 397).

Однако и эта попытка подкупа владетелей и старшин Дагестана путем «ласкания» потерпела очередной провал. На захватническую войну народы Дагестана ответили героической освободительной борьбой. Категорически отвергли аналогичные предложения иранского шаха в начале 1742 г. аварский нуцал Магомед-хан, кайтагский уцмий Ахмед-хан, а мехтулинский владетель Ахмед-хан демонстративно обратился за помощью к России (АВПРИ. Оп. 77/1. 1742 г. Д. 10. Л. 100, 104, 113).

База национально-освободительной борьбы продолжала расширяться. Как указывал И.П. Калушкин в двух донесениях в середине и конце февраля 1742 г., дагестанцы «до последней капли крови за себя стоять общим согласием связаны ... на все потребляемые его (шаха попытки. – Авт.) весьма грубо смотрят и нимало оными себя усыпить не допускают, стоя твердо в своем клятвенном согласии».

Положение персидской оккупационной армии в течение 1742 г. продолжало ухудшаться, о чем И.П. Калушкин неоднократно доносил: шахово войско претерпевает «крайнюю во всем нужду... в версте от лагеря лежащую деревню он (шах. – Авт.) сокрушить не может», «у него с лезгинцами развязалось тяжелое дело, от которого Персия стонать не перестает» (РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Ед. хр. 129. Л. 114) Особенно тяжелое положение сложилось в Дербенте и его окрестностях, в том числе в шахском лагере «Иран хараб» (Алиев Ф.М., 1975. С. 166).

Однако, несмотря на переживаемые Персией трудности, беспощадный аппарат власти приводил в действие шахские указы, согласно которым наместникам шаха в провинциях давалось задание собрать 9 млн. руб., укомплектовать 25-тыс. корпус для карательных действий против дагестанцев и быть наготове отправить в Дагестан дополнительные войска (Соловьев С.М., 1994. Кн. 11. Т. 22. С. 88). Надир-шах пытался еще раз усмирить Дагестан, совершив нашествия в Кайтаг, Табасаран и Аварию в сентябре–ноябре 1742 г. Попытки Надир-шаха покорить Табасаран и вторгнуться в Аварию закончилась провалом и на этот раз. Сражение за Кайтаг, особенно за крепость Кала–Корейш, отличавшееся особым упорством и героизмом защитников с участием кайтагского уцмья Ахмед-хана, стало одной из ярких страниц освободительной борьбы народов Дагестана (Гаджиев В.Г., 1965. С. 133).

В этой борьбе, как свидетельствуют источники, владетели и старшины Дагестана активно прибегали к покровительству России. Вторично с аналогичной просьбой в Кизляр в мае 1742 г. обратился мехтулинский владетель Ахмед-хан (АВПРИ. Оп. 77/1. 1742. Д. 10. Л. 113). Настойчиво с такими просьбами обращались дербентцы и жители приморской полосы Дагестана, подвергавшиеся террору со стороны персидских завоевателей. (Юдин А.П., Кн. 1. Ч. 3. С. 385).

В многочисленных донесениях российского резидента из шахского лагеря и пограничных властей из Кизляра и Астрахани настойчиво выражалась мысль о твердой решимости народов Дагестана отстаивать свою независимость в борьбе с персидскими захватчиками и самим перейти в наступление. В этих же донесениях указывалось на возникшую опасность со стороны сефевидского Ирана южным границам России, ибо шах, поддерживаемый западными державами (Англией и Францией), предъявлял претензии не только на Дагестан, но и на Затеречную область вплоть до Астрахани. Однако Петербург, опасаясь совместного выступления шахского Ирана и султанской Турции, ограничился предписанием своим представите-

лям усилить оборону Кизляра, укрепить Терскую линию наличными средствами и т.п. (Сотавов Н.А., Касумов Р.М., 2008. С. 108).

Заметный сдвиг в кавказской политике России наметился после разгрома Надир-шаха в Андалале в 1741 г., круто изменившего соотношение сил в регионе в ущерб Персии, создавшего благоприятные условия для активизации действий придворных кругов России и Порты. Народы Дагестана с тех пор приобрели важное значение в кавказской политике России относительно шахского Ирана и султанской Турции, вызвав необходимость серьезной корректировки политики в духе реанимации петровской дипломатии, активно продвигавшей интересы России как на западе, так и на востоке. Российское правительство с тех пор стремилось удержать иранского правителя Надир-шаха от активных действий в Дагестане, внушая ему мысль о неизбежности ослабления Персии в войне с дагестанцами, что было бы выгодно Порте. Однако в сложившейся международной обстановке Россия не могла оказать Дагестану военную помощь или взять открыто под свое покровительство. Поэтому российское правительство действовало крайне осторожно, поощряя дагестанские народы в борьбе за независимость, снабжая их провиантом и тайно обнадеживая помощью через дипломатические каналы (Сотавов Н.А., 1991. С. 113).

Петербург активизировал кавказскую политику, подкрепляя ее конкретными мерами. Так, 26 марта 1742 г. командующий Царицынской линией ген.-майор А.И. Тараканов ставил в известность кизлярского коменданта о том, что к нему отправляются 2 тыс. донских казаков под видом ремонта крепости, а фактически для предотвращения внезапного нападения персов на Засулакскую область (АВПРИ. Оп. 77/1. 1742 г. Д. 10. Л. 20). Составленный относительно засулакских кумыков специальный указ императрицы Елизаветы Петровны от 20 апреля 1742 г. также предлагал: в пограничных спорах с шахом о них не упоминать, «однакож тех деревень жителям о том отнюдь не сказывать, а держать сие в высшем секрете, но при всяких случаях пристойным образом по-прежнему ласкать и от протекции Ея Императорского Величества не отлучать, но под оной искусным образом стараться содержать» (АВПРИ. Оп. 77/1. 1742 г. Д. 4. Л. 71 с об. ).

Учитывая быстро меняющуюся ситуацию, наряду с дипломатическими мерами российское правительство предпринимало и конкретные действия, направленные на укрепление своих южных границ и наращивание своего влияния в приграничных областях Кавказа. В Астрахани развернулось строительство флота, в Кизляр отправлялись новые войска, расширялись торговые связи с местными народами. Весной 1742 г. в Кизляр с 3-тыс. войском вступил сам ген.-майор А.И. Тараканов. Для выдачи жалованья местным владельцам, придерживавшимся российской ориентации, было выделено 10 тыс. руб. (Бутков П.Г., 1869. Ч. 1. С. 223). Благодаря этим мерам нашествие персидских войск на Засулакскую Кумыкию было предотвращено, а влияние России среди местного населения заметно возросло.

Таким образом, продуманная корректировка кавказской политики России с учетом новых обстоятельств стала давать ощутимые результаты. Она одобряюще действовала на местное население, укрепляла моральный дух, веру в скорую победу над врагом. Эта политика содействовала сближению Дагестана с Россией. Под влиянием одержанных дагестанцами над захватчиками побед и при новой активизации кавказской политики России от иранского шаха стал отходить его верный вассал шамхал Хасбулат, тайно извещая владельцев Засулакской Кумыкии о нависшей над ними опасности (АВПРИ. Оп. 77/1. 1742 г. Д. 4. Л. 61. об. – 62).

Подозрения Надир-шаха и его придворных не оказались беспочвенными. В июне 1742 г. шамхал Хасбулат тайно обратился в Кизляр с просьбой принять его в российское подданство (Магомедов Р.М., 1957. С. 325). С аналогичными просьбами в Кизляр спустя месяц обратились кайтагский уцмий Ахмед-хан, аварский нуцал Магомед, а также десятки горских старшин и предводителей союзов сельских общин (Бутков П.Г. 1869. Ч. 1. С. 223).

Приведенные факты говорят о том, что во внешнеполитической ориентации владельцев и старшин Дагестана наметился существенный перелом в сторону России. Стараясь

не допустить дальнейшего развития этого процесса, западноевропейские державы (Англия и Франция) вынашивали планы совместного выступления шахского Ирана и Османской империи против России, поощряя реваншистские устремления правящих кругов этих стран на захват российских земель от Кизляра до Астрахани и Среднего Поволжья (Сб. РИО. 1896. Т. 96. С. 365). Французский резидент в Петербурге де ля Шетарди внушал шахскому послу в России, что в поражении Надир-шаха в Дагестане решающую роль сыграло «участие, принимаемое здешним (российским. – Авт.) двором» (Сб. РИО. 1896. Т. 96. С. 579).

Вскоре Англия от дипломатической поддержки сефевидского Ирана перешла к оказанию Надир-шаху военной помощи, используя для этой цели вышеупомянутого капитана Джона Эльтона. Этот тайный агент английской Ост-Индийской компании оказал значительную помощь персидскому шаху в строительстве военных кораблей, обучении персов морскому делу, подвозке боеприпасов и провианта. По поручению иранского шаха Эльтон перевез на английских кораблях 980 пудов олова для нужд иранской артиллерии (Ульяницкий В.А., 1899. Ч. 2. С. 183).

Однако и такая поддержка западноевропейских держав не усилила позиции Надир-шаха в Дагестане, подвергавшиеся мощно нарастающим ударам освободительной борьбы народов Дагестана, все более активно поощряемой Россией ввиду объективного совпадения взаимных интересов в русле противодействия установлению персидского владычества на Кавказе. Свидетельство тому – вынужденное прекращение продвижения шахских войск в августе 1742 г. через Сулак в сторону Чечни в результате быстрого демарша ген.-майора А.И. Тараканова навстречу персидским войскам с предупреждением, что он имеет указ из Петербурга, дать «персиянам отпор» (АВПРИ. Оп. 89/1. 1742 г. Д. 4. Ч. 1. Л. 162 об.). Деморализованные шахские войска вынуждены были поспешно отойти в «Иран хараб» (История. 1988. С. 424).

Вслед за этим были предприняты конкретные меры для отражения возможной шахской агрессии. По предписанию из центра гребенские казаки поголовно встали на защиту Терской линии. По р. Сулак учредили форпосты, в Эндирее и Костеке оставили воинские части из 2 тыс. драгун, подчиненных кизлярскому коменданту В.Е. Оболенскому. Сам иранский шах через резидента Братищева официально был предупрежден, чтобы не переходил р. Сулак, ибо границы его владений на севере по Гянджинскому трактату 1735 г. установлены по этой реке (Потто В.А., 1912. Ч. 2. С. 57–58).

Принятые российским правительством меры оказывали отрезвляющее воздействие на персидских завоевателей. Войска Надир-шаха терпели одно поражение за другим, переживали страшные бедствия. Героическая борьба дагестанских народов и поддержка, оказанная им Россией, сокрушили завоевательные планы персидского правителя. Убедившись в том, что продолжение войны с народами Дагестана не принесет ничего иного, кроме новых поражений, в феврале 1743 г. Надир-шах отступил из Дагестана под предлогом продолжения войны с Османской империей (История Дагестана. 2004. Т. 1. С. 446).

С отступлением персов из Дагестана ситуация в регионе заметно изменилась. Согласно источникам, в марте 1743 г. «владельцы Кайтага, Аварии, Дженгутая и горские старшины решили стать вечными и верными подданными России» (История Дагестана. 2004. Т. 1. С. 448). В августе того же года кайтагский уцмий Ахмед-хан, а также владетели и старшины Нагорного Дагестана повторно заявили, что «желают и просят российской протекции» (Умаханов М.-С., 2007. С. 147). В течение 1743–1744 гг. из Дагестана в Петербург было отправлено несколько посольств с просьбой принять под покровительство России (История. 1988. С. 435).

Таким образом, содержащиеся в приведенных и других источниках материалы позволяют утверждать, что заметный сдвиг во внешнеполитической ориентации народов Дагестана в сторону России стал состоявшимся фактом. Разгром персидских войск в Дагестане и их отступление изменили соотношение сил на Востоке в пользу Порты. Используя благоприятный момент, она вновь попыталась овладеть Кавказом, также внося

определенные коррективы в свою политику в регионе с учетом сложившейся там ситуации.

Как только персидские войска оставили пределы Дагестана, турецкий султан Махмуд стал настраивать дагестанских владетелей и старшин против России. Как признает османский придворный историк Ахмед Джебдет-паша, «в царствование султана Махмуда I (1730–1754) задумано было даже овладеть Дагестаном ... чтобы привлечь на свою сторону племена кавказские и приготовить из этого элемента силу против русских» (*Джебдет-паша*, 1888. С. 372).

Обстановка в Дагестане и Азербайджане, антишахские восстания, охватившие Кубу, Шеки, Ширван и Дербент, благоприятствовали выполнению замыслов султанских политиков. Порты пыталась воспользоваться знаменем антишахской борьбы на Кавказе, выдвинув в качестве ее руководителя своего агента Сефи-Мирзу, известного в источниках под именем Сам-Мирза I – фактически самозванца, выдававшего себя за сына казненного Надиром шаха Султан Хусейна Сефи-Тахмаспа II. Преследуя свои политические цели, к восставшим присоединился и сын Сурхай-хана Магомед-хан. В сентябре 1743 г. они захватили Шабран, а затем столицу Ширвана Ак-Су (*Алиев Ф.М.*, 1975. С. 166).

Вдохновленный этими успехами султан Махмуд решил добиться своих намерений, опираясь на влиятельных дагестанских владетелей и старшин. Подготовив для вторжения в Южный Кавказ 50-тыс. войско в помощь своему агенту, султан обратился с письмами к джарцам, кайтагскому уцмию Ахмед-хану, аварскому нуцалу Магомеду, Сурхай-хану Казикумухскому и его сыну Магомед-хану, призывая перейти их на свою сторону, убеждая в том, что он выступает в защиту прав законного наследника Сефевидской династии (*Сотавов Н.А.*, 1991. С. 168).

В донесении российского резидента А.А. Вешнякова из Стамбула уточнялось, что турецкий султан велел и впредь «к Усмейхану писать, и всех дагистанов ласкать сколько можно» (*Хроника войн Джара*. 1935. С. 38). Прибывшие туда посланники кайтагского уцмия были одарены богатыми подарками (АВПРИ. Оп. 77/1 1743 г. Д. 4. Л. 310 об.).

В личном послании на имя кайтагского уцмия султан признавал, что Сам-Мирза находится под покровительством Порты (АКАК. 1869. Т. 1. С. 1081–1082). В том же послании султан Махмуд специально обращался к сыну Сурхай-хана Казикумухского Магомед-хану, предлагая поддержать «принца» Сефи-Мирзу, действуя «вместе как отец с сыном» (*Сотавов Н.А.*, 1991. С. 111).

Однако помощь османов Дагестану не вышла за рамки словесных деклараций (АВПРИ. Оп. 89/1. 1741 г. Д. 6. Ч. 1. Л. 55). Резидент А.А. Вешняков указывал, вскрывая подлинные причины уклончивого поведения османского правительства, что «султан на дагистанцов мало полагается, а паче, опасается, что такой поход России будет подозрителен как и прежний» (АВПРИ. Оп. 89/1. 1741 г. Д. 6. Л. 55). Воспользовавшись начавшимися среди повстанцев разногласиями, в декабре 1743 г. персидские войска нанесли им поражение. Сын Сурхай-хана Казикумухского Магомед-хан ушел в Казикумух, а самозванец Сам-Мирза – I бежал в Грузию (*История Дагестана*. 2004. Т. 1. С. 448).

Однако неудача первой попытки османов добиться реализации своей кавказской политики путем опоры на Сам-Мирзу-I не обескуражила правящую султанскую верхушку. Военно-политическая обстановка на Кавказе продолжала складываться в пользу Порты, так как в самой Персии и за ее пределами продолжались выступления народных масс. Разгром персидской армии в Дагестане и внутренние неурядицы сужали социальную базу военно-политической власти Надир-шаха. Все эти факторы Османская империя учитывала в своей гегемонистской политике в регионе. Порты понимала, что власть Надир-шаха стала уже ненавистной народу и, что весьма возможно, любой претендент, выставленный им под признаком шахского происхождения из семьи Сефи, мог бы создать благоприятное для османов положение (*Умаханов М.-С. К.*, 2007. С. 152–153).

Как и следовало ожидать, летом 1744 г. султанская Турция попыталась овладеть Кавказом, выдвинув на сцену самозванца Сам-Мирзу II. На этот раз для оказания поддержки новому претенденту на персидский престол султан обратился к мехтулинскому

владельцу Ахмед-хану, сыгравшему активную роль в разгроме Надир-шаха в Аварии, пожаловав ему, по словам Н.И. Березина, «титул шамхала» (Березин Н.И., 1850. Ч. 1. С.82). Жалуя это звание специальным фирманом, султан извещал Ахмед-хана о готовности присвоить ему чин силахшора (генерального инспектора османской армии. – Авт.), (Бакиханов А.-К., 1991. С. 150), но с тем условием, чтобы он принял участие в восстановлении на престол «законного» отпрыска Сефевидской династии.

Однако происки османов и на сей раз не увенчались успехом. Не получая реальной помощи со стороны Порты, дагестанские владельцы не оказывали поддержки креатуре султана Махмуда. Высланные османским правительством Сам-Мирзе II деньги были перехвачены шахским командованием в Гяндже – Гаджи-ханом, а отправленные в сторону Ширвана султанские войска были разгромлены у р. Арагви грузинским царем Ираклием (АВПРИ. Оп. 89/1. 1744. г. Д. 8. Л. 271–272).

Все это означало, что планы Османской империи в отношении Дагестана становились эфемерными. Это стало заметно особенно после того, как отступившие из Дагестана войска Надир-шаха приняли участие в сражении с османами на Южном Кавказе. Наступление Надир-шаха на Карс и осада им Мосула летом 1744 г. вынудили султана Махмуда отозвать Сам-Мирзу II. Но временная победа над Портой не означала упрочения власти Надир-шаха на Кавказе ввиду того, что усиленно шел процесс сближения Дагестана с Россией (Арунова М.Р., Аирафян К.З. 1958. С. 24).

Хорошо сознавая опасность влияния такого процесса на свои гегемонистские устремления на Кавказе, персидский правитель предпринял новые попытки покорения Дагестана. Обеспечив безопасность своих границ со стороны Порты, в декабре 1744 г. он стремительным маршем привел к Дербенту 30-тыс. войско. Эта поспешность иранского шаха преследовала определенную цель – помешать России оказать покровительство народам Кавказа, многие из которых продолжали обращаться к ней за подданством.

Это был последний (четвертый) поход персидского правителя Надир-шаха, угрожавший не только народам Дагестана, но и южным границам России. Предупреждая об этом еще до вторжения персидских войск, резидент в Иране Б.Братищев предлагал «принять при Кизляре крепчайшие осторожные меры и содержать эндириевских и аксаевских владельцев в порядочном состоянии» (РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Ед. хр. 242. Л. 13. об).

Пользуясь этим, персидский правитель Надир-шах предпринял ряд дипломатических и военных действий, стараясь отвлечь местных владельцев и старшин от союза с Россией и подчинить их себе. В начале 1745 г. Карабудахкент, Губден, Утемиш и Бойнак были разрушены шахскими войсками, а жители подвергнуты жестоким репрессиям, десятки тысяч голов скота доставлены в иранский лагерь (Сотавов Н.А., 1989. С. 171–172).

Убедившись в том, что открытая война с народами Дагестана может привести к необратимым катастрофическим последствиям, Надир-шах пытался добиться своих целей путем подкупа местных владельцев и старшин, отправив к ним из Дербента специальные воззвания, провоцировавшие их против России, но никто из них, даже прежний сторонник персидского правителя шамхал Хасбулат, не отозвался на этот призыв (Сотавов Н.А., 2000. С. 193).

Таким образом, несмотря на все старания, Надир-шаху и на сей раз не удалось ни покорить народы Дагестана, ни восстановить их против России. Наоборот, стараясь избавиться от персидского гнета, они охотно переходили в российское подданство. Пограничные российские власти, видя все это, не раз доносили, что «усиление русских войск в Кизляре даст возможность склонить горские народы к России» (РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Ед. хр. 242. Л. 12).

Учитывая стратегическое значение Дагестана в своей кавказской политике и стремление его народов избавиться от гнета персов, с начала 1745 г. российское правительство провело ряд дополнительных мер для сохранения здесь своего влияния. На место безынициативного астраханского губернатора В.Н.Татищева туда был направлен бывший главнокомандующий на Кавказе князь В.В. Долгорукий с устным предписанием приводить местные народы в подданство России. Для дипломатического воздействия на шаха в



Дербент отправили искусного дипломата кн. М.М. Голицына, знавшего характер и повадки Надир-шаха по прежним переговорам и подписанным договорам. (Сотавов Н.А., 1989. С. 172–173). Для усиления кизлярского гарнизона в качестве коменданта крепости с 7 драгунскими полками в город вступил опытный в обращении с дагестанскими жителями сподвижник Петра I ген.-лейтенант Д.Ф. Еропкин (Бутков П.Г., 1869. Ч. 1. С. 232).

Таким образом, существенные коррективы кавказской политики России, направленные на укрепление ее позиций и подрыв влияния Сефевидов в Дагестане, способствовали тому, что героическая борьба дагестанских народов привела к отступлению Надир-шаха в феврале 1745 г. в глубь Персии, где он стал готовить силы для реванша в новой войне с Портой (Сотавов Н.А., 1989. С. 173–174).

Эта война между шахским Ираном и Османской империей продолжалась с весны 1745 г. до осени следующего года, но не принесла успеха ни одной из сторон. Мирный договор от 4 сентября 1746 г. возвратил их к границам Касре-Ширинского договора 1639 г., но относительно Дагестана в 4-х пункте трактата специально оговаривалось, что «народ лезгинской и другия находящиеся в тех краях вольными имеют остаться ... в их правление дела не вступаться, а буде Блистательной Порты или против персидского государства какое их неприятельское намерение откроется, то по отношению обеих сторон вольно по вине их наказать» (Сотавов Н.А., 2000. С. 195).

Следовательно, персидско-османский договор 1746 г., признавая формально независимость Дагестана, на деле означал сговор этих держав для подавления освободительной борьбы народов региона. Между тем султанские министры, пытаясь отвести подозрения от Порты, скрыто распространяли слухи о наличии тайного российско-персидского соглашения против Дагестана (АВПРИ. Оп. 89/1. 1746 г. Д. 4. Л. 260).

Подлинные намерения правящих кругов Порты становились очевидным по мере ее ослабления и разложения Сефевидского государства. К 40-м гг. XVIII в. международные позиции султанской Турции намного ослабли, заметно нарастал ее внутренний кризис. Упорная освободительная борьба народов Кавказа и политика России, направленная против стремления Персии и Османской империи овладеть этим регионом, сыграли свою роль в ослаблении этих монархий. По мере развития военно-феодального деспотизма, усиления сепаратистских тенденций и внутреннего распада власть Надир-шаха лишилась своей феодальной опоры. В результате заговора придворных в июне 1747 г. Надир-шах был убит (Гаджиев В.Г., 1996. С. 219).

После смерти шаха Сефевидское государство распалось на ряд самостоятельных ханств. Угроза Дагестану со стороны Персии отпала до конца XVIII в. – прихода к власти Каджарской династии. Но это не означало, что народы Дагестана избавились от внешней опасности. Воспользовавшись начавшейся в Персии династической борьбой, Порта попыталась не только вернуть, но и усилить свое бывшее влияние на Кавказе. Она детально готовилась к вторжению на Кавказ, сосредоточивая войска в пограничных областях, засылая агентов в Кабарду и Дагестан, которые должны были убедить местных правителей «принять турецкое подданство и выступить против России» (Смирнов Н.А., 1959. С. 81).

Дальнейшая активизация кавказской политики Османской империи в это время стимулировалась тем, что вопросы вмешательства в дела Кавказа с середины 30-х до конца 60-х гг. XVIII в. не стояли перед российским правительством как первоочередная задача ввиду осложнения международного положения России по европейским делам и черноморскому вопросу. Используя эти благоприятные возможности, Порта, как и прежде, вновь попыталась овладеть Дагестаном, прибегая к испытанным методам «ласкания», подкупа и лести. Для этой цели в начале июля 1747 г. со значительной казной и султанскими фирманами в Дербент был направлен Юсуф-паша (Сотавов Н.А., 1989. С. 178).

Согласно султанскому фирману за Ахмед-ханом Дженгутаевским снова подтверждалось звание шамхала Дагестана с присвоением ему чина силахшора и вручением ему 20 мешков денег. Кайтагскому уцмию Ахмед-хану был пожалован титул трехбунчужного (трехзнаменного. – Авт.) паши, его сыну Магомед-хану – двухбунчужного паши. Каждому из табасаранских владетелей – майсуму и кадию – титулы двухбунчужных пашей и по

2 тыс. туманов. За Магомед-беком Цахурским сохранялся титул султана Элису со званием двухбунчужного паши и выделением определенной суммы денег (*Бакиханов А.А.*, 1846. № 18. С. 72).

Эти меры были подкреплены новыми дипломатическими и военными акциями. Отправив на Южный Кавказ новые войска, султан Махмуд выдвинул претендентом на шахский престол нового самозванца, третьего по счету (Сам-Мирза III). Под видом защиты мнимых прав наследника шаха Хосейна Сефи Порте удалось возбудить часть жителей Азербайджана, после чего она развернула активную деятельность и в Дагестане.

Отправленный в июле 1747 г. для разведки в Кайтаг и Кубу кизлярский житель Юсуф Насимов в начале августа был задержан кубинским правителем Гусейн Али-ханом, который посоветовал ему вернуться обратно (АВПРИ. Оп. 89/1. 1747 г. Д. 2. Л. 262 об.).

Прибыв обратно в Дербент, кизлярский житель Юсуф Насимов узнал от местного султана, что тальшинский хан Суджадын-бек примкнул к самозванцу и вместе с ним отправился в Ардебиль. «И из Редевия, – сообщил он Ю.Насимову, – разослал новый шах в Ширван, к казыкумыцкому владельцу Сурхаю, к хайдакскому владельцу Усмею, к кубинскому хану и к нему дербентскому султану и в протчия места письма в которых де прописано, чтоб всех владельцев владельцы и подлаго народа старшины, и кои утеснение и разорение от Надиршаха претерпевали, те бы ныне немедленно к нему новому шаху приезжали, токмо де к нему новому шаху никто не поехал» (АВПРИ. Оп. 89/1. 1747 г. Д. 2. Л. 264 об.).

Действительно, дагестанские и другие кавказские владетели, наученные предшествующим опытом, не оказали поддержки возвращенному в Стамбуле самозванцу Сам-Мирзе III. Очередная попытка османов добиться гегемонии на Кавказе путем выдвижения нового самозванца не увенчалась успехом. Не сумев подкупить местных владетелей, султан Махмуд оттянул свои войска обратно.

Между тем, по сведениям официальных османских кругов, в конце 1749 г. картлийский царь Ираклий II нанес поражение враждующим между собой дагестанским феодалам, захватил Гянджу, Шемаху и Ереван и двинулся на Тебриз (АВПРИ. Оп. 89/1. 1749 г. Д. 3. Л. 263).

Оказавшись в трудном положении, часть дагестанских владетелей обратилась к султану Махмуду с просьбой оградить от набегов картлийского царя (АВПРИ. Оп. 89/1. 1749г. Д. 3. Л. 159 об. – 160).

Однако никакой поддержки дагестанским владетелям, несмотря на неоднократные заверения, султанское правительство не оказало. Да оно и не было в состоянии оказать эту помощь. К середине XVIII в. Порта переживала глубокий упадок, от ее прежнего величия остались лишь одни воспоминания. Этим и объясняется, что посланные повторно в Стамбул дагестанские эмиссары вернулись безрезультатно (АВПРИ. Оп. 89/1. 1751 г. Д. 3. Л. 293).

Таким образом, постоянно выступавшие на словах под видом защиты единоверных суннитов Дагестана, а фактически с претензиями на овладение этим регионом, османы и на этот раз игнорировали интересы проживавших там народов. Определенную помощь народам Дагестана в их борьбе против гегемонистских устремлений Персии и Османской империи в этот период оказала Россия, исходя из своих политических интересов. В частности, Петербург предпринял срочные меры для укрепления Кавказской линии на случай султанской агрессии в связи с воцарившейся в Персии анархией.

Как только была получена весть о смерти Надир-шаха, канцлер А.П. Бестужев-Рюмин предложил императрице Елизавете Петровне созвать Государственный Тайный Совет для обсуждения создавшегося положения, мотивируя это тем, «чтобы Оттоманская Порта, пользуясь слабостью Персии, не овладела ею и не сделалась для России опасным соседом» (*Соловьев С.М.*, 1994. Кн. 11. Т. 22. С. 496). Состоявшийся в связи с этим Тайный Совет постановил: «1) удостовериться в смерти шаха Надира; 2) пригласить горских дагестанских владельцев ко вступлению в русское подданство, пославши к ним небольшие подарки из суконов и камоков; 3) в Астрахани держать наготове достаточное число мор-

ских судов, на которых в случае нужды перевозить войско и провиант...» (Соловьев С.М., 1994. Кн. 11. Т. 22. С. 497–498).

Получив достоверные сведения о смерти иранского правителя Надир-шаха и восшествии на престол его племянника Али Кули-хана, 6 октября 1748 г. Тайный Совет вынес решение рекомендовать российскому правительству установить с ним дружеские отношения, настраивать против Порты, чтобы не допустить османов на побережье Каспия (Сотавов Н.А., Касумов Р.М., 2008. С. 113). Выполняя эти установки, российское правительство предприняло действенные меры в этом же ключе: проводились крупные работы по укреплению Кизляра и терских казачьих городков, расширились экономические и политические связи с населением Дагестана и Северного Кавказа. С особым акцентом на Дагестан российской администрации в Кизляре рекомендовалось иметь добрые отношения с местным населением, призывая владельцев и старшин к принятию российского подданства, заботясь о том, чтобы они были «неозлобительным содержанием их довольны» (Сотавов Н.А., Касумов Р.М., 2008. С. 113).

Эти акценты в кавказской политике российского правительства не остались без последствий. Негласная поддержка ею стремления дагестанских народов оградиться от притязаний османов после смерти Надир-шаха способствовала дальнейшему расширению и укреплению российско-дагестанских отношений. Достаточно сказать, что в конце 40-х – начале 50-х гг. XVIII в. обратились в Петербург и приняли подданство России кайтагский уцмий Ахмед-хан, кумыкские владельцы Хасбулат, Эльдар, Мехди и Муртузали, владельцы Табасарана майсум Муртузали и кадий Муртузали, дербентский правитель Гусейн-хан, сын Сурхай-хана Казикумухского Магомед-хан, а также многие старшины Нагорного и Южного Дагестана (Сотавов Н.А. 1991. С. 119).

Однако Россия, занятая решением черноморской проблемы и подготовкой условий для присоединения всего Кавказа, не решалась официально объявить Дагестан под своим покровительством, опасаясь военного конфликта с Османской империей на востоке и антироссийской шведско-польской коалицией на западе, активно поддерживаемой Францией и ее ганноверскими союзниками. На пути дальнейшего сближения Дагестана с Россией встали новые силы, отодвинувшие присоединение к ней региона до начала XIX в.

Анализ внешнеполитической деятельности России, Османской империи и шахского Ирана в 40-х гг. XVIII в. показывает, что Дагестан, обладающий важными стратегическими позициями, обрел доминирующую роль в их кавказской политике. Сложившаяся здесь ситуация определила основные направления и пути реализации политического курса этих государств в Прикаспийско-Кавказском регионе.

## БИБЛИОГРАФИЯ

- Абакаров М.*, 1991. Легендарная битва // Советский Дагестан. № 2. Махачкала.  
АВПРИ. Ф. Сношения России с Персией. Оп. 77/1. 1741 г. Д. 4; Д. 7; 1742 г. Д. 10.  
АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/1. 1741 г. Д. 7. Ч.1; Д.10; Д.12; 1744г. Д. 8; 1746 г. Д. 4; 1747 г. Д. 2; 1749 г. Д. 3; 1751 г. Д. 3.  
АКАК. 1869. Тифлис. Т. 2.  
*Алиев Ф.М.*, 1975. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. Баку.  
*Арунова М.Р., Аирафян К.З.*, 1958. Государство Надир-шаха Афшара.  
*Бакиханов А.-К.*, 1991. Гюлистан и Ирам. Баку.  
*Бакиханов А.А.*, 1846. О походах шаха Надира в Дагестан // Кавказ. № 18.  
*Березин Н.И.*, 1850. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Ч. 1.  
*Гаджиев В.Г.*, 1965. Роль России в истории Дагестана. М.  
*Гаджиев В.Г.*, 1996 Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала.  
*Джевдет-паша.* Описание событий в Грузии и Черкесии по отношению к Оттоманской империи от 1192 по 1202 год хиджры /1775–1784 / Пер. с турецкого М. Гамзова // Русский архив. М., 1888. № 3.

- История Дагестана. 2004. Т. 1. М.
- История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. 1988. М.
- Козлова А.Н.*, 1976. «Наме-йи Аламара йи Надири» Мухаммад Казима о первом этапе похода Надир-шаха на Табасаран // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала.
- Магомедов Р.М.*, 1957. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала.
- Магомедов Р.М.*, 1985. История Дагестана.
- Потто В.А.*, 1912. Два века терского казачества. Ч. 2. Владикавказ. РГВИА. Ф. 20. Военная экспедиция военной коллегии. Оп. 1/47. Ед. хр. 129; Ед. хр. 242.
- Смирнов Н.А.*, 1958. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М. Сб. РИО. 1896. СПб., Т. 96.
- Соловьев С.М.*, 1994. История России с древнейших времен. Кн. 11. Т. 22.
- Сотавов Н.А.*, 1991. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М.
- Сотавов Н.А.*, 2000. Крах «Грозы Вселенной». Махачкала.
- Сотавов Н.А., Касумов Р.М.*, 2008. Дагестан и Каспий в международной политике эпохи Петра I и Надира-шаха. Афшара. Махачкала.
- Умаханов М.-С.К.*, 2007. Взаимосвязи феодальных владений Дагестана в XVIII – начале XIX в. (политический аспект). Махачкала.
- Ульяницкий В. А.*, 1899. Русские консульства за границею в XVIII веке. Ч. 2. М.
- Хроника войн Джара в XVIII столетии. 1935. Баку.
- ЦГА РД, Ф. 379. Оп. 1. 1741 г. Д. 65.
- Юдин А.П.*, 1889. Россия и Персия в конце 1742 г. Из писем переводчика В. Братищева канцлеру, князю А. Черкасскому // Русский архив. Кн. 1. Ч. 3. М.